

Ответ Бруно Латуру

Дэвид Блур

Почетный профессор, Школа социальных и политических исследований (SSPS), Университет Эдинбурга (UoE). Адрес: 15a George sq., EH8 9LD Edinburgh, UK. E-mail: d.bloor@ed.ac.uk.

Ключевые слова: недоопределенность; каузальность; самореперентность; следование правилу; институт.

Заключительная реплика в полемике Дэвида Блур и Бруно Латура. Автор указывает на риторические уловки, которыми Латур подменяет аргументацию и обсуждение сути расхождений. Он резюмирует дискуссию и, не поддаваясь на уловки, по пунктам разбирает латуровские асимметрии и показывает, что они не затрагивают главных пунктов критики акторно-сетевой теории. Он приходит к выводу, что оппонент не смог ответить на обвинение в искажении «сильной программы». Более того, по мнению автора, в основе всего рассуждения Латура лежит неверное толкование тезиса о недоопределенности или недостаточной детерминации. Латур вменил ему тезис, что «вещи не играют никакой роли» в представлениях о них, в то время как автор считает, что они только лишь не могут объяснить различие в представлениях о них.

Блур отвечает на упрек Латура в противоречивости разрыва между

субъектом и объектом: разделение объектов и представлений об объектах необходимо, чтобы прояснить, как именно они совмещаются и взаимодействуют в рамках одной оппозиции. Также получает ответ неаргументированное, по мнению автора, обвинение в изобретении третьего типа причинности: его попросту нет, так как в текстах прямо утверждается, что «соответствие» между вещами и представлениями — это не причинность. Не подтверждается и обвинение социологии знания в застое (на фоне прогрессирующей и цветущей акторно-сетевой теории): автор приводит в пример недавние новаторские исследования, проведенные в рамках данной исследовательской программы. В заключение он обращает внимание на заявленный Латуром как бы походя отказ от обобщенного принципа симметрии и называет его отказом от собственной позиции.

ТВЕТ Бруно Латура как две капли воды похож на остальные его работы. Так, они полны неразрешенных противоречий. В настоящем случае это проявляется в чехарде уступок и вызывающего игнорирования упреков. Так, я «прав во всем», что говорю¹, но затем оказывается, что прав я лишь в рамках своей точки зрения. На словах Латур принимает мое определение релятивизма, на практике все ровно наоборот². Между нами лежит пропасть, из-за которой я «совершенно некомпетентен»³ для того, чтобы критиковать его работы, но тот же разрыв позволяет ему совершенно свободно критиковать меня. Мне все время твердят, что нужно дать объектам природы гораздо более значительную роль, но тут же ставят в известность, что я не должен предполагать природу в качестве очевидного фона⁴. Переход от природы к вербальным объяснениям природы — это лишь артефакт моих допущений, заявляют мне, только что прочитавшему, что сам Латур для обнаружения этих переходов сделал больше, чем кто-либо иной⁵. И таков весь его ответ, щедро приправленный аргументами *ad hominem* и прочими отвлекающими приемами. Пункты методологической критики преобразовываются в квазиполитические комментарии. Вместо того чтобы заняться конкретными вопросами дискуссии, Латур запутывает ее рассуждениями об истории философии. Детали теряются в обилии школьных категорий: кантианство, эмпиризм Джона Локка, причинность Дэвида Юма, вольтеровский материализм, дюркгеймианство и, конечно, «Новое время» (*modernism*).

В этих обстоятельствах особенно важно удерживать перед глазами общую картину дискуссии. Главные пункты таковы: Латур атакует «сильную программу» и, по сути, подход социологии знания в целом. Он заявляет, что обнаружил серьезные изъяны в основаниях подхода, и потому предлагает радикально новый подход, построенный на других принципах. В «Анти-Латуре» я доказываю, что при

Перевод с английского Александра Писарева по изданию: © Bloor D. Reply to Bruno Latour // *Studies in the History and Philosophy of Science. Part A*. 1999. Vol. 30. № 1. P. 131–136. Публикуется с любезного разрешения автора.

1. См. статью Бруно Латура «Дэвиду Блуру... и не только: ответ на „Анти-Латур“ Дэвида Блура» в настоящем номере «Логоса». С. 137.
2. Там же. С. 146.
3. Там же. С. 149.
4. Там же. С. 157–158.
5. Там же. С. 148.

внимательном изучении обе претензии оказываются несостоятельными. Во-первых, Латур неверно понимает «сильную программу», и обнаруженные им изъяны на самом деле являются плодами его собственного непонимания. Во-вторых, предлагаемая им альтернатива, когда она действительно отличается от «сильной программы», противоречива и несостоятельна. Она либо совершенно туманна, либо недостаточно мотивирована и обоснована. Одна из ведущих черт якобы нового подхода и близких к нему направлений, упоминаемых Латуром, заключается в том, что он представляет собой беспринципное отступление от социологической программы. По сути, это выхолощенная форма социологии знания, лишенная своих объяснительных и каузальных задач. Здесь нужно не позволить увести себя в сторону. Необходимо спросить: ответил ли Латур на эти два пункта критики? Смог ли он подтвердить свое прочтение «сильной программы» и прояснил ли он собственные концепты и методы, дабы продемонстрировать их жизнеспособность? Думаю, нет.

Прежде чем приступить к делу, сделаю два замечания. Во-первых, Латур уверяет читателя, что знает социологию знания буквально «досконально»⁶. По его словам, он потратил годы на ее защиту. Разве это не он содействовал переводу на французский язык моей книги «Знание и социальные представления»?⁷ Это действительно так, я благодарен ему за это. К сожалению, ничто из этого не опровергает мою критику. Долгое знакомство с теорией бесполезно, если оно в конечном счете оказывается основано на давнем неверном понимании. Вопрос именно в том, знает ли Латур тексты досконально. Я пришел к заключению, которое меня опечалило: многие годы он невольно распространял ложную информацию о социологии знания. Кто знает, какой вред был нанесен, учитывая его серьезное влияние в дисциплине.

Во-вторых, заявив о своей квалификации, Латур пытается дискредитировать мою. Он был в лаборатории, среди настоящих ученых, следовал за ними повсюду. А где мои эмпирические лабораторные исследования? Я «не вправе» критиковать⁸. Этот человек даже никогда не был в лаборатории! (Он имеет в виду — как социолог-наблюдатель, а не как ученый, проводящий эксперименты, чем мне в какой-то степени приходилось заниматься⁹.) Соглас-

6. Там же. С. 138.

7. Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. L.: Routledge, 1976.

8. Латур Б. Указ. соч. С. 150.

9. Возможно, имеется в виду лабораторный опыт, полученный в психологии. После изучения философии науки в Кембридже Блур получил бака-

но его аргументу, если бы я видел то, что видел он, я бы понял новый подход. Но разве компетенции, даваемые полевой работой, нужны, чтобы поставить вопросы, которые я задал Латуру? Ответ — «нет», потому что я ставлю под сомнение его интерпретации, а не его факты. Статистик может ставить вопросы об анализе данных эмпирического исследования, не выходя из своего кабинета в математическом институте. Физики-теоретики могут обнаружить в эксперименте неконтролируемые переменные, не испачкав рук. Я действую аналогично. Простое разделение труда не препятствует тому, чтобы мы могли рационально и критически высказываться — в обоих направлениях, через разделяющую нас границу.

Два кратких примера покажут, что различия между нами лежат не там, где лабораторная практика играла бы важную роль. Прежде всего, я сомневаюсь, что полевая работа вызвала — или могла бы исправить — путаницу в уме Латура между логикой игр с нулевой суммой и принципом векторного сложения¹⁰. Дело только в надлежащем продумывании и отделении друг от друга различных процессов и принципов. Далее, обратите внимание: Латур подчеркивает то, как упорно работают ученые, чтобы сделать свои теории достовернее конкурирующих. Это правдоподобный эмпирический тезис о научном поведении, хотя и довольно тривиальный. Думаю, Латур не прав, считая, что он противоречит релятивизму «сильной программы». Симметрия («сильной программы»), полагает он, означает, что все теории имеют одинаковую достоверность, но это не так. Чтобы привлечь внимание к этой ошибке, не нужно ставить под сомнение его факты.

Перейдем к крайне важному вопросу: ответил ли Латур на мое обвинение в искаженном представлении «сильной программы»? Как я уже говорил, по моему мнению, Латур не сделал этого, но сам он уверен, что «полностью оправдан»¹¹. Он приходит к такому выводу, просто повторяя старые ошибки в немного другой форме. Возьмем, например, проблему роли материального мира в конструировании знания. По-прежнему повторяется то, что я назвал обвинением в идеализме, а Латур — обвинением в кантианстве. На этот раз искаженное представление зависит от одного смещения, повторяющегося на протяжении всего его ответа. Позвольте объяснить, в чем состоит это смещение, откуда оно проистекает и какой вред наносит.

лавскую степень по психологии, а в Эдинбургском университете защитил докторскую диссертацию в той же области. — *Прим. пер.*

10. Там же. С. 131. Прим. 12.

11. Там же. С. 144.

Латур считает, что крайне важный и значимый тезис о недостаточной детерминации тождествен тезису о том, что опыт мира и наполняющих его объектов «не имеет значения». Эдинбургская школа, по его словам, «запрещает вещам играть роль в наших системах представлений»¹². Мотив «не иметь значения», «не играть роли», «не вносить различий» повторяется раз за разом как в тексте, так и в подписях к схемам и даже вставляется в цитату. Однако как толкование тезиса о недостаточной детерминации это неверно. Вот как это печальное недоразумение получается. Латур жалуется на «ничтожность вклада»¹³ объектов и нашего опыта этих объектов в «сильной программе». Будто делая великодушную уступку, он признает, что сторонники программы считают себя материалистами или реалистами определенного типа, но все равно задает вопрос: «Позволено ли этим объектам *влиять* на наше мышление о них?»¹⁴ Без всякого текстуального обоснования утверждается, что в прошлом этот вопрос всегда получал резко отрицательный ответ. Прочитав пассаж из «Анти-Латура» о роли электронов в исследованиях Роберта Милликена и Феликса Эренгафта, Латур заключает, что я впал в противоречие. Он устало просит меня не говорить ему, что объекты играют и не играют роли, что нечто «проводит различия и ничего не различает»¹⁵.

Ошибочные ходы Латура и возникающее в результате искажение тезиса о недостаточной детерминации можно пояснить простым примером. Представьте себе какой-нибудь известный макрообъект, являющийся важной чертой окружающей среды двух наблюдателей. Пусть объект будет X , а наблюдатели O_1 и O_2 . После исследования O_1 заявляет, что X принадлежит к классу C_1 , в то время как O_2 после такого же исследования помещает X в класс C_2 . Они согласны, что объект не может принадлежать обоим классам, поэтому каждый уверен, что ошибся другой. Почему они классифицируют его по-разному? Тезис о недостаточной детерминации утверждает, что в этих обстоятельствах их опыта X недостаточно, чтобы объяснить разницу. Для объяснения требуется что-то еще, связанное с самими O_1 и O_2 .

Итак, равносильно ли это тезису, что наблюдение X «не имеет значения»? Разве будет сторонник тезиса о недостаточной детерминации заявлять, что не следует мыслить вещи вроде этого X как

12. Там же. С. 146.

13. Там же. С. 141.

14. Там же. С. 142. Курсив автора. — Д. Б.

15. Там же. С. 142.

играющие роль в описанной ситуации? Очевидно, нет. Главное значение присутствия X состоит в том, что в соответствующих обстоятельствах оно способно спровоцировать акты классификации и, как в этом случае, вызвать разногласие между O_1 и O_2 . Если бы объект отсутствовал, то не было бы повода для разногласия, или если бы оно все же имело место, то было бы вызвано иными причинами и возникло бы иначе. По меньшей мере можно сказать, что именно *этого* спора между ними не было бы. То есть объект является причиной одного различия, даже если в вышеприведенном сценарии он не может объяснить другое различие — различие в классификации. Попытка запутать меня — это немногим больше, чем игра слов. Латур смешал тезис «не играет никакой роли» с весьма отличающимся от него тезисом «не может объяснить это конкретное различие». Первый вменяет мне он, второго придерживаюсь я. Он просто-напросто перепутал разные «различия».

Заметьте, в моем примере объект X не был невидимым электроном, это был видимый макрообъект. Недостаточная детерминация не зависит от того, насколько неуловим объект референции. Не зависит она и от наблюдателя — пассивного, а не активного и экспериментирующего. Аргумент действует, даже если «исследование» состояло в тех или иных манипуляциях с X , его разрезании, нагревании, пропускании через него электрических разрядов или, скажем, помещении в одну клетку с другим X с целью посмотреть, произведут ли они детеныша X . Это явно не зависит от понимания объекта в качестве кантовской «вещи в себе» и не подталкивает нас к этому. Латур ошибается, сообщая читателю, что у вещей и объектов в «сильной программе» «единственная роль... — различать философские школы»¹⁶, будто они только прием для парирования обвинений в идеализме. На самом деле именно богатство природного мира и сложность взаимодействия с ним ученого лежат в основе тезиса о недостаточной детерминации, если он верно понят, и, следовательно, «сильной программы» в целом.

Проблемы с агентностью вещей возникают скорее у самого Латура, чем у натуралистически ориентированного сторонника «сильной программы». Он умалчивает об этой проблеме, но только вдумайтесь: если Латур отбрасывает кантовскую «вещь в себе» как не годную ни на что, кроме отчаянных ходов в философских дискуссиях, то что же нам делать со всеми его «энтелехиями», «монадами» и «актантами», не относящимися ни к природе, ни к об-

16. Там же. С. 140.

ществу, ни к языку?¹⁷ Все требования прояснить это необычное и плохо продуманное метафизическое упражнение остались без ответа. Если мы спросим себя, стали ли после чтения ответа на «Анти-Латур» хоть на йоту осведомленнее об «актантах» Латура, нам, несомненно, придется ответить отрицательно.

В одном показательном пассаже Латур оспаривает мою рекомендацию разделять природу и вербализованное представление о ней. Я говорил о вбивании клина между ними, и Латур пытается позабыться над этим. Представьте себе: раскалывать нечто и делать соединение получившихся частей проблематичным¹⁸. Зачем, спрашивает он скептически, нужно «ввязываться в странное и противоречивое занятие по разделению того, что затем намереваются соединить?». Общая форма вопроса допускает очень простой ответ, и то, что Латур не догадывается об этом, многое говорит о его позиции. Мы разъединяем вещи, чтобы посмотреть, как они совмещаются и как работают вместе. Если не получается отделить их в буквальном смысле, мы производим естественные вариации и разные комбинации частей, чтобы понять, навязывает ли природа этим вещам именно такие связи. Как это применимо к знанию? Ответ заключается в том, что историческая и культурная изменчивость показывает: зона взаимодействия между языком и лингвистическим миром — это крайне интересная с теоретической точки зрения причинная связь. Латур, кажется, не в состоянии оценить это и отвергает ее как всего лишь «артефакт»¹⁹.

«Нововременная» черта моей позиции в «Анти-Латуре», поразившая Латура своей «странностью», — это «нелепое распределение форм агентности»²⁰. Латур считает, что нашел в моей работе «три типа причинности»²¹, и старается представить их как агонию скрипучей и сложной космологии. (По крайней мере, думаю, это и есть его позиция. Она почти не аргументирована.) Проблема на самом деле вовсе не в одном из типов причинности, даже не в разных каузальных системах. Но даже если мы условно говорим о физической причинности и социальной причинности, то их только две. Откуда Латур берет третью? Дело в том, что он неверно толкует отношение «соответствия» как каузальное, хотя я ясно утверждаю, что оно *не является* таковым. Позже он при-

17. Там же. С. 153.

18. Там же. С. 146.

19. Там же. С. 150.

20. Там же. С. 146.

21. Там же. С. 145.

сваивает это «нелепое», как он сам выражается, распределение причинности, причем в еще более абсурдной форме. Он говорит нам, что на самом деле *каждая* сущность проявляет все три типа причинности²². Но, боюсь, к этому звену его цепи рассуждений я уже не понимаю, что он пытается сказать.

Пока Латур, по его словам, быстро продвигался в своей исследовательской программе, «сильная программа» якобы оставалась там, где была двадцать лет назад. Позвольте привести только один контрпример — важную теоретическую статью Барри Барнса «Социальная жизнь как индукция с обратной связью»²³. В ней Барнс развивает свою самореферентную модель социальных институтов. Она была разработана в его книге «Природа власти»²⁴, а затем использована и развита в моей работе «Витгенштейн: правила и институты»²⁵ и в «Психологическом знании» Мартина Куша²⁶. Латур пренебрегает тем, что сделал Барнс, и, возможно, поэтому ему удается убедить себя, что никакого прогресса не было. Он попросту сливает идеи Барнса с дюркгеймовскими, не видя в них ничего, кроме версии известного тезиса Дюркгейма о том, что социальная реальность — это реальность *sui generis*. У Дюркгейма есть элементы самореференции — например, в его концепции религии как поклоняющегося себе общества, но сравнение на таком уровне обобщения не способно оценить по заслугам силу и новизну подхода Барнса. Оно делает невидимыми роль индуктивного обучения, вводимые им ценные идеальные типы, названные *N*-предикатами и *S*-предикатами и обладающие собственными, точно определенными паттернами применения, а также то, как продуктивно он использует свой аналитический аппарат для работы с некоторыми простейшими социальными структурами. Вместо того чтобы отбрасывать самореферентную модель, принимая как нечто самоочевидное, что она воплощает «худший из изъянов теории Дюркгейма»²⁷, Латуру стоит тщательно и ответственно проработать ее. Такой труд, возможно, непривлекателен и, наверное, покажется педантичным тем, кто спешит, но это единственный способ застраховаться от сооружения картонных домиков в нашей теоретической работе.

22. Там же. С. 153.

23. Barnes B. Social Life as Bootstrapped Induction // Sociology. 1983. Vol. 17. P. 524–545.

24. *Idem*. The Nature of Power. Oxford: Polity Press, 1988.

25. Bloor D. Wittgenstein. Rules and Institutions. L.: Routledge, 1997.

26. Kusch M. Psychological Knowledge. A Social History and Philosophy. L.: Routledge, 1998.

27. Латур Б. Указ. соч. С. 142.

Если бы Латур продумал выводы из работы Барнса или даже поразмышлял над тем, что было сказано об этом в «Анти-Латуре», ему не пришлось бы ставить вопрос, заданный им на с. 144. Он хочет знать, как соотнести самореферентные социальные институты и мир внешних и независимых объектов. Я повторяю ответ из «Анти-Латура», поскольку проблема важная. Она раскрывает механизмы, встраивающие общество в наше понимание материального мира на самом фундаментальном уровне. Самореферентные социальные процессы придают понятиям нормативные качества, то есть стандарты их правильного и неправильного употребления. Это применимо ко всем понятиям, включая те, которые относятся к объектам вокруг нас. Самореферентные процессы производят правила для использования понятия, и таким образом все это связывается с витгенштейновским подходом к следованию правилу как институту. Без правил и нормативных стандартов, определяющих верное и неверное применение понятий, было бы неверно говорить о наличии у них содержания, а без содержания у них не может быть подлинной референции. Так самореференция становится неотъемлемой частью внешней референции. Эти связи и ускользнули от Латура.

Наконец, я должен как-то ответить на интересное откровение Латура²⁸ о том, что он готов отказаться от своей обобщенной версии принципа симметрии. На фоне описанного в его ответе непрерывного прогресса с анонсами новых и амбициозных исследований слишком легко разглядеть в этом заявлении доказательство того, как быстро все движется вперед в латурианском лагере. Как это контрастирует со скучным застоєм в Эдинбурге! Но есть и другое объяснение, более созвучное с тем, что ему не удалось убедительно ответить на «Анти-Латура». Это не движение вперед, а отступление. Латур только что отказался от своей позиции.

Библиография

- Barnes B. Social Life as Bootstrapped Induction // *Sociology*. 1983. Vol. 17. P. 524–545.
Barnes B. *The Nature of Power*. Oxford: Polity Press, 1988.
Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. L.: Routledge, 1976.
Bloor D. Reply to Bruno Latour // *Studies in the History and Philosophy of Science*. Part A. 1999. Vol. 30. № 1. P. 131–136.
Bloor D. *Wittgenstein. Rules and Institutions*. L.: Routledge, 1997.
Kusch M. *Psychological Knowledge. A Social History and Philosophy*. L.: Routledge, 1998.
Latour B. For David Bloor and Beyond // *Studies in the History and Philosophy of Science*. Part A. 1999. Vol. 30. № 1. P. 113–129.

28. Там же. С. 158.

REPLY TO BRUNO LATOUR

DAVID BLOOR. Emeritus Professor, d.bloor@ed.ac.uk.
School of Social and Political Science (SSPS), University of Edinburgh (UoE),
15a George sq., Edinburgh EH8 9LD, UK.

Keywords: Strong Program; agency; causality; self-referential; underdetermination; chain of associations.

This article contains the concluding remarks of the debate between David Bloor and Bruno Latour. The author points out several rhetorical devices used by Latour in place of argumentation, in order to avoid discussing the main differences between the two authors. He summarizes the discussion with the aim of not falling victim to Latour's tricks and discusses the asymmetries Latour mentions, ultimately demonstrating that they do not address the main critiques of actor-network theory. Bloor concludes that his opponent was unable to provide any rebuttals to claims that he had distorted the main points of the Strong Program. Moreover, Latour's arguments are founded upon an incorrect understanding of the thesis on incomplete determination. Latour claims that his opponent assumes that things do not play any role in their representations, but his opponent actually believes that things simply cannot explain the differences in various notions about them.

Bloor responds to Latour's argument about the contradictions of dividing that which it is later difficult to connect, and explains that it is necessary to destroy with the aim of understanding a construction. Bloor also responds to the criticism that he has invented a third type of causality. He claims this criticism is unfounded and that he has not in fact done this; he instead writes that the connection between things and representations is not equivalent to causality. Bloor also claims that the sociology of knowledge is not in fact stagnating, as evidenced by a series of new and original studies produced following this research program. In conclusion, the author claims that by stepping away from a generalized principle of symmetry, Latour is actually renouncing his own position.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-163-171

References

- Barnes B. Social Life as Bootstrapped Induction. *Sociology*, 1983, vol. 17, pp. 524–545.
Barnes B. *The Nature of Power*, Oxford, Polity Press, 1988.
Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*, London, Routledge, 1976.
Bloor D. Reply to Bruno Latour. *Studies in the History and Philosophy of Science. Part A*, 1999, vol. 30, no. 1, pp. 131–136.
Bloor D. *Wittgenstein. Rules and Institutions*, London, Routledge, 1997.
Kusch M. *Psychological Knowledge. A Social History and Philosophy*, London, Routledge, 1998.
Latour B. For David Bloor and Beyond. *Studies in the History and Philosophy of Science. Part A*, 1999, vol. 30, no. 1, pp. 113–129.